

ЭРИК ЛОРАН

x времени дух времени дух времени дух времени дух времени дух времени дух

НЕФТЯНЫЕ МАГНАТЫ

x времени дух времени дух времени дух времени дух времени дух времени дух

**КТО ДЕЛАЕТ
МИРОВУЮ
ПОЛИТИКУ**

Эрик Лоран

**Нефтяные магнаты. Кто
делает мировую политику**

«Алисторус»

2010

Лоран Э.

Нефтяные магнаты. Кто делает мировую политику / Э. Лоран —
«Алисторус», 2010

Сегодня мир зависит от нефти: она приводит в движение механизмы международной политики и экономики. Нефть – ключ к пониманию основных событий XX века: мировых войн, противостояния СССР и США, теракта 11 сентября и последующих войн, которые США ведут по всему миру. Данная книга тем и ценна, что дает читателю возможность проникнуть за кулисы тех событий и узнать тайны могущественной и безжалостной интернациональной нефтяной мафии, которая делает мировую политику.

Содержание

Предисловие	5
1. Миру не нравится смотреть в лицо реальности	7
Нехватки никогда не было	8
Тщательно скрываема́я истина	10
«Американец, погруженный в нефть»	11
Опек: виновник обнаружен	12
Реванш шаха	14
ЦРУ суетится	16
Миллион баррелей по 1 доллару за баррель	18
Режим шаха стабилен	20
2. Первое бурение в 1859 году и быстрый рост добычи нефти	21
Нефть дешевле воды	22
Мир потребляет 6 миллионов тонн	23
170 километров мощеных дорог	24
Нефть в исчислениях	25
«Как нам собираются платить?»	26
«Нужна агрессивная внешняя политика»	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Эрик Лоран

Нефтяные магнаты: кто делает мировую политику

*Разница между оптимистом и пессимистом заключается в том,
что пессимист обычно бывает более информированным.
Клер Бут Люс*

*Приношу благодарность:
Жаку Граверо,
Шарлю Уржевичу,
Фабьенне Ле Биан,
Сяоя Ли,
Николасу Саркису,
Антону Бренлеру,
Кристиану Пари
и Кларе,
которая, как всегда, смогла разобрать мой отвратительный
почерк.*

Предисловие

31 января 2006 года, в то время как баррель необработанной нефти достиг стоимости 68,25 доллара и его курс поднялся более чем на 18 % с начала года, одиннадцать министров ОПЕК¹, собравшись в Вене, опубликовали краткое коммюнике. Они решили сохранять свое производство на прежнем уровне, несмотря на подъем спроса. Объяснение сохранения статуса-кво казалось вполне правдоподобным: возросшая цена на нефть гарантировала им рекордную прибыль.

На самом деле истина заключалась в прямо противоположном: если члены ОПЕК замораживают производство на прежнем уровне, то только потому, что они более не способны увеличивать свою нефтедобычу, свои ресурсы, сильно переоцененные, быстро начинающие сокращаться; включая и страны Аравийского полуострова – лидеров в производстве нефти на нашей планете.

Это обстоятельство тщательно скрывается. Страны-производители, нефтяные компании и правительства стран-потребителей – по крайней мере, те, которые были информированы об этом, – предпринимали все усилия, чтобы избежать огласки – из-за того потрясения, которое она могла вызвать в мировой экономике и общественном мнении.

Этот тайный упадок ОПЕК равным образом касается множества других нефтяных стран. Самое ужасное, что дефицит реальных резервов совпадает с беспрецедентным увеличением потребления нефти. Кажется, у нас нет ни малейших шансов...

Отныне мы видим последний акт пьесы, «полной шума и ярости». Представление началось почти сто лет тому назад и всегда идет при закрытых дверях. В мире нефти всегда царит атмосфера неясности и дезинформации. Мы часто забываем, что это сырье все еще является

¹ Организация стран – экспортеров нефти, объединяющая Иран, Ирак, Саудовскую Аравию, Кувейт, Венесуэлу, Катар, Габон, Нигерию, Объединенные Арабские Эмираты, Эквадор, Индонезию, Ливию, Алжир. Эквадор и Габон вышли из организации, соответственно, в 1992 и 1994 гг.

ставкой в борьбе за власть – по причине его стратегической роли, невысокой стоимости его добычи и исключительных прибылей, которое оно дает.

Нефть обеспечила беспрецедентный рост нашего благосостояния; тем не менее потребители нефти никогда не имели и малой доли информации об истинном положении дел в этой области.

Настоящая книга, которая является плодом более чем тридцатилетних исследований и разнообразных встреч, пытается приподнять завесу над многочисленными секретами, тщательно скрываемыми от публики. Я понял довольно давно, еще в начале 1970-х годов, насколько нефть была средоточием великих конфликтов XX века.

В 1972 году, а затем в 1974-м, две встречи, о которых я говорю в этой книге, – с одним из руководителей нацистского государства и с бывшим британским премьер-министром, который был когда-то правой рукой Черчилля, – прояснили для меня решающую роль нефти в ходе Второй мировой войны.

Между прочим, я обнаружил во время первого нефтяного кризиса, 1973 года, что недоверчивый и напуганный Запад, похоже, зашатался, боясь лишиться своей власти и своих привилегий. Страны-производители выглядели победителями – это было заблуждением, столь же кратковременным и безосновательным, как и страх, испытанный Западом. Первая книга, которую я опубликовал в 1975 году, стала результатом встреч с одним из виновников национализации нефтяных промыслов в Ираке, Ливии и Алжире.

В последующие годы я присутствовал на собраниях ОПЕК, налаживая контакты и встречаясь с главными действующими лицами этой «большой игры» – президентами компаний, биржевиками, руководителями государств, такими как Каддафи, Саддам Хусейн, шах Ирана, который впоследствии спровоцировал свое собственное падение и второй нефтяной кризис, с имамом Хомейни, в то время находившимся в изгнании и жившим в небольшом особнячке в Нофль-ле-Шато.

Один из моих собеседников выразился весьма образно: «Мир нефти имеет тот же цвет, что и сама эта столь желанная жидкость, – черный, усиливающий самые темные стороны человеческой природы. Он вызывает вожделение, разжигает страсти, провоцирует предательство и смертельные оскорбления, приводит к наглым махинациям». Со временем я утвердился в верности этих слов.

Несмотря на то что мы должны приготовиться не только к дороговизне нефти, но также и к ее нехватке, я продолжаю восхищаться неизменностью этих взаимоотношений.

В начале XX века Иран и Ирак, до того как стать независимыми государствами, были не чем иным, как гигантскими нефтяными концессиями, дающими «исключительные прибыли» (по выражению одного из акционеров того времени). То, что произошло с Ираком в 2003 году – американское военное вторжение, а затем захват контроля над нефтяными промыслами – следовало в русле той же логики.

Начиная со своего вступления в должность, Буш и Чейни были больше озабочены энергетической безопасностью Соединенных Штатов и ресурсами Ирака, чем угрозой терроризма и той опасностью, которую могла представлять собой «АльКаида». И это является одной из тем данного расследования.

Февраль 2006 года

1. Миру не нравится смотреть в лицо реальности

Я обнаружил, что миру не нравится смотреть в лицо реальности, во время первого нефтяного кризиса 1973 года. За несколько дней все, казалось, пошатнулось. В Вене 14 октября произошел срыв переговоров между странами – членами ОПЕК и нефтяными компаниями. 16 октября шесть государств Персидского залива – Саудовская Аравия, Иран, Ирак, Объединенные Арабские Эмираты, Катар и Кувейт – решили в одностороннем порядке поднять цену, «установленную» на сырье², увеличив ее с 2 до 3,65 доллара за баррель.

По прошествии времени такое увеличение кажется ничтожным, но тогда, по принятии решения на встрече в Кувейте, саудовский нефтяной министр шейх Ямани заявил своим коллегам: «Я долго ждал этого момента». За десять дней до этого, в день иудейского праздника Йом Киппур, египетская и сирийская армии напали на еврейское государство, развязав четвертую израильско-арабскую войну.

17 октября, в то время как сражения становились все ожесточеннее, нефтяные министры арабских стран – членов ОПЕК решили установить эмбарго и высказались за сокращение производства на 5 %. Окончательное коммюнике, изложенное на арабском языке, уточняло, что «это процентное отношение [5 %] будет распространяться на все месяцы, исходя из объема производства нефти в предыдущем месяце, до полного вывода израильтян с арабских территорий, оккупированных в июне 1967 года, и признания законных прав палестинского народа».

По странной иронии госпожи Истории, оба события произошли одновременно, хотя между ними не было никакой связи. Одностороннее увеличение цены проистекало из длинных и трудных переговоров между странами-производителями и крупными нефтяными компаниями, в то время как эмбарго установили, по словам Генерального секретаря ОПАЕК³, «единственно для того, чтобы привлечь общественное мнение людей Запада к проблеме Израиля». Это не имело ничего общего с желанием поднять цену на нефть. Но это окажется самым надежным средством поднять цену на еще более высокий уровень.

19 октября эмбарго начинает действовать. Саудовская Аравия, первая из стран – мировых экспортеров нефти, заявляет о снижении производства своей продукции на 10 % и о прекращении всех поставок Соединенным Штатам и Голландии за их поддержку Израиля. Выбор пал на Нидерланды, возможно, также и потому, что порт в Роттердаме принимал крупные партии нефтяных грузов с Ближнего Востока. То, что танкеры больше не причаливали в голландских портах, позволило усилить давление на Европу.

² Условная цена, служащая основанием для расчета арендной платы и налоговых поступлений для стран-экспортеров.

³ Организация арабских стран – экспортеров нефти, объединяющая восемь арабских членов ОПЕК.

Нехватки никогда не было

В течение десятилетий нефть, которой было много и которая стоила дешево, приводила Запад в эйфорию и служила ему анестезирующим средством. Она сделала людей Запада процветающими, но также наглыми и слепыми. К началу Первой мировой войны автомобильный парк планеты насчитывал всего-навсего 2 миллиона легковых и грузовых машин. В середине 1950-х годов количество автомобилей перевалило за 100 миллионов, а к началу действия эмбарго достигло 300 миллионов, из которых 200 миллионов находились в Соединенных Штатах.

За несколько дней страны – производители нефти, которыми до этих пор, похоже, мало кто не интересовался, взяли в заложники мировую экономику и заставили ее зашататься. По крайней мере, воспоминание об этом надолго осталось у нас в памяти. Воспоминание это ошибочное и в большой степени сфабрикованное.

Нефтяной кризис 1973 года и его последствия породили чудовищный обман, очень эффективно организованный. Достаточно просто перечислить факты.

19 октября, в тот самый момент, когда Саудовское королевство и, соответственно, его подданные решают ввести эмбарго, президент Ричард Никсон публично заявляет о предоставлении военной помощи в размере 2,2 миллиарда долларов Израилю. Начиная с 8 октября, через два дня после начала конфликта, глава американского государства дает разрешение самолетам «Эль-Аль», лишенным регистрации, приземляться в Соединенных Штатах, чтобы снабжать еврейское государство боеприпасами. Казалось бы, дальнейшая поддержка, оказанная Израилю, в то время как он возобновил наступательные действия, а соглашение о прекращении огня «так и не было подписано, должна была бы вызвать ярость стран-производителей и побудить их еще больше ужесточить свою позицию. Ничуть не бывало – эмбарго сняли через три месяца после его объявления, причем в таком странном режиме, что никто толком не знал, сколько времени оно длилось, с какой неукоснительностью применялось и почему ему был положен конец.

Страны-производители не получили от него никакой политической выгоды.

Я, молодой журналист, был захвачен событиями. Я часто бывал тогда в странах – производителях нефти и в Соединенных Штатах. Меня поразили многие факты, на которые, любопытно отметить, средства массовой информации почти не обращали внимания. Саудовская Аравия, которой следовало бы быть в центре сражения, проявила крайнюю осторожность. Правивший в то время король Фейсал никогда не использовал нефть в качестве политического оружия и присоединился к решению о санкциях с оговорками – только чтобы не оказаться в изоляции. В сентябре 1973 года, за месяц до кризиса, он заявлял, что «простое неодобрение Соединенными Штатами политики и действий Израиля имело бы больше значения и позволило бы выдернуть фитиль из нефтяной бомбы». Это предложение не встретило никакого отклика в Вашингтоне, где никто – ни в Белом доме, ни в Пентагоне, ни в Государственном департаменте – не воспринял всерьез эту просьбу. По мнению шейха Ямани, саудовского нефтяного министра, Генри Киссинджер убедил Никсона, что угрозы, высказанные Фейсалом, не так велики. И, возможно, он был прав.

Множество нефтяных дельцов признавались мне, что саудовцы никогда не применяли этого эмбарго в буквальном смысле, прибегая к услугам независимых предпринимателей, посредников, чтобы обойти эмбарго и продавать нефть странам, которые теоретически «бойкотировались».

Истина находится далеко от легенды: в 1973 году не было никакой нехватки нефти!

Я был потрясен той истерией, которая царил в странах – потребителях нефти. В течение десятилетий цена на баррель, к нашему вящему удовольствию, застыла на уровне 1–2 долла-

ров⁴. Богатые страны достигли беспрецедентных в своей истории достатка и экономического подъема благодаря сырью, которое покупалось по почти символической цене. Но открытие потребителями для себя этого факта породило вовсе непристойную панику.

Я видел в Соединенных Штатах – как на Восточном побережье, так и в Лос-Анджелесе – вереницы автомобилей, вытянувшихся к действующим заправочным станциям; водители не выключали моторы и кондиционеры, сжигая больше бензина, чем могли залить в емкости. С тех пор американские потребители и стали жить в ужасе перед «пустым баком» и только и думать о том, как его наполнить, хотя до того они ездили почти с пустыми баками. Запасы бензина тают, и Соединенные Штаты, как и Европа, столкнувшиеся с холодной зимой 2005/06 года, сильно повышают спрос на нефть. Тем не менее существует большой излишек нефти, но перед размахом этого спроса он быстро исчезает, оказывая этим сильное давление на цену нефти.

Потребители, напуганные этой нехваткой и «головокружительной» ценой в 5 долларов за баррель, ждут возврата прежней умеренной цены.

⁴ В период 1955–1970 гг. американский доллар снизил свою стоимость на 34,7 %, после 1971 г. она возросла: в 1971 г. – на 4,4 %, в 1972 г. – на 3,2 %, в 1973 г. – на 4,7 % и в 1974 г. – на 9,3 %. Это снижало себестоимость нефти и уменьшало доходы стран-экспортеров. Nicolas Sarkis, *La Pétrole a l'heure arabe, entrepreneurs avec Eric Laurent*, Stock, 1975.

Тщательно скрываема́я истина

Военный кризис 1973 года был похоронным звоном по распроданным остаткам нефти и всемогуществу нефтяных компаний, которые контролировали 80 % мирового экспорта. В самом разгаре эмбарго «семь сестер» – «Эксон», «Шелл», «Тексако», «Мобил», БП, «Шеврон» и «Галф» – получили рекордные прибыли. Например, «Эксон» получил на 80 % барышей больше, чем в предыдущем году. Эти барыши происходят за счет значительной добавочной стоимости, полученной от реализации этими компаниями своих запасов нефти.

Потребители подозревали эти фирмы в тесных связях со странами-производителями. После десятилетий безраздельного царствования крупные нефтяные объединения видят, что существует сила, способная лишить их выгоды в пользу стран-производителей, которые они в течение долгого времени презирали. Но подозрения потребителей не лишены оснований. За кулисами, в обстановке самой большой секретности, производители и нефтяные заправилы заключили самый невероятный союз: это истина, которая тщательно скрывается даже в настоящее время и которую мы раскроем в последующих главах. Без этого согласия нефтяного «кризиса» никогда бы не было.

Тот же самый феномен произошел и с ценой на нефть. В конце 1973 года стоимость барреля возросла с 5,20 доллара до 11,65 доллара. Но в противоположность тому, что всегда утверждалось, вовсе не краткое эмбарго, наложенное странами-производителями, привело к увеличению цены в четыре раза. Хотя именно с этих пор урок затвержен, и возможность поднятия цен притягивает их, как магнит.

Обстановка истерии, страх перед нехваткой нефти, которые царят в индустриальных странах, разжигают курс цен. Потребители ведут себя как избалованные дети и эгоисты, отказываясь смотреть в лицо реальности и усиливая тем самым кризис.

Восхитительная ситуация! Потребители отвергают любое стеснение своего образа жизни и своего потребления. Ответственные политические деятели Запада бессильны, не способны эффективно действовать и предвидеть будущее. Для того чтобы не потерять популярность, сократив потребление бензина, они решают уменьшить скорость движения на дорогах – единственным результатом будет сокращение на 23 % количества жертв несчастных случаев – и усилить меры, направленные на борьбу с разбазариванием энергии на рабочих местах. Прекрасная иллюстрация, по циничному выражению столпа Четвертой Республики⁵ Анри Кейля: «Не существует проблемы настолько сложной, чтобы ее нельзя было решить при помощи отсутствия политического решения».

⁵ Четвертая Республика – период в истории Франции 1944–1958 гг. После прихода к власти де Голля в 1958-м и принятия новой Конституции – Пятая Республика.

«Американец, погруженный в нефть»

Два английских автора, Давенпорт и Кук, делают в 1923 году чрезвычайно справедливое замечание: «Разве американец не живет в некоторой мере погруженным в нефть? Во всяком случае, он и пальцем шевельнуть не может без нее. Один американец из десяти имеет автомобиль, а остальные экономят, чтобы купить себе машину».

Через пятьдесят лет Соединенные Штаты представляют собой идеальное место для того, чтобы наблюдать за кризисом. В Нью-Йорке, из комнаты моего отеля, окна которой выходят на Центральный парк, я вижу огромную черную пропасть на месте небоскреба, сиявшего огнями, которые освещали Манхэттен. Впервые за время после Второй мировой войны Америка сталкивается с нехваткой горючего. Чрезвычайное положение, введенное 27 ноября Ричардом Никсоном, предусматривающее контроль над ценой, над производством и распределением нефти, производит противоположный эффект и усиливает хаос. В Детройте, крупном индустриальном городе на севере США, где сосредоточены заводы трех гигантов автомобильной промышленности – «Дженерал Моторс», «Форд» и «Крайслер» – царит мрачная атмосфера. Автострада, ведущая из аэропорта Детройта к центру города, не освещается, и единственное огромное светящееся панно, расположенное справа, рассекает тьму, указывая точное количество автомобилей, сошедших сегодня с конвейера. Показатели продаж, естественно, находятся в свободном падении. В течение десятков лет «Дженерал Моторс», главное в мире предприятие, имеющее более 800 000 рабочих по всему миру, символизировало всемогущество транснационального промышленного гиганта, переживая без ущерба для себя кризисы и войны. Тем не менее в эту зиму 1973 года кризис показался глубоким и длительным в глубинах штаба «Дженерал Моторс», находящегося в огромном, массивном и сумрачном небоскребе, установленном в центре города.

Этот гигант, как и его соперники «Форд» и «Крайслер», воплощает в себе больше, чем просто производство; эти фирмы являются символом американского образа жизни и до этих пор триумфального роста. Но на самом деле это индустрия, которая уже находится в упадке. Начиная с 1948 года, когда была изобретена автоматическая перемена скорости, не было введено ни малейшего новшества, если не считать плотности амортизаторов или цвета покрытия автомобилей. Один ответственный сотрудник «Дженерал Моторс» признался мне, что разница стоимости производства между «шевроле» и «кадиллаком» не превышает 500 долларов. При покупке разница цен двух моделей составляет почти 10 000 долларов. Ситуация, которая, как и все преимущества, не позволяет дерзать и упрочивает консерватизм. Кажется, кризис 1973 года возвестил об исчезновении моделей крупных размеров, требующих много бензина. Короче, конец их мира, но не конец света? Нет, до этого далеко. Крестный путь американского автомобилиста сводится к тому, что в июне 1974 года он платит 55,1 цента за галлон бензина⁶, за который годом ранее он должен был уплатить 38,5 цента. Американцы составляют всего лишь 6 % населения планеты, но они потребляют 33 % всей энергии, производимой в мире.

⁶ Галлон в Великобритании равен 4,546 литра, в США – 3,785 литра.

Опек: виновник обнаружен

Когда 27 ноября 1973 года изнуренный Ричард Никсон выступает по телевидению, припечатывая слова так, что в его краткой речи подчеркивается смысл каждого из них: «Соединенные Штаты окажутся перед лицом самых суровых ограничений, с которыми им когда-либо приходилось сталкиваться – даже во время Второй мировой войны». Эта речь производит впечатление, и очень скоро собрание ответственных лиц называет виновного: ОПЕК, и особенно ее арабские члены.

Выступая в Сенате, сенатор Дж. У. Фулбрайт, председатель комиссии по иностранным делам, один из самых независимых умов в Конгрессе, заявляет: «В современном мире арабские страны – производители нефти располагают незначительными военными силами. Они похожи на слабых газелей в джунглях, где водятся крупные животные. Мы должны им об этом по-дружески напомнить. Они будут ужасно рисковать, если начнут угрожать экономическому и общественному равновесию великих индустриальных держав, особенно такой, как наша».

Заявление абсолютно ясное, но страны – производители никогда и не помышляли мериться силой с Западом. У них для этого нет ни желания, ни средств. Тем не менее одна чрезвычайно удачная кампания выявит опасность и покажет, что эти развивающиеся страны могут оказать свое воздействие на нашу независимость и наше процветание.

В прессе ОПЕК презрительно называют «картелем», диктующим свои законы, и ни один из знатоков дела не берет на себя труд припомнить, что с 1960 года, даты своего образования, и до 1971 года, даты подписания Тегеранского соглашения, ОПЕК никогда не была в состоянии хоть чуть-чуть поднять цены, хотя бы на несколько сантимов. Хуже того, во время этого кризиса цена на нефть, в абсолютной стоимости, не переставала понижаться.

Затем в памяти возникает ее новое богатство, нефтедоллары, которые дают ей головокружительное могущество. В 1974 году страны ОПЕК загребли 140 миллиардов долларов, из которых 60 миллиардов достались арабским членам этой организации. Мне вспоминается одна статья, напечатанная в британском еженедельнике «Экономист», где объяснялось, сколько минут, часов, дней понадобится «сверх ОПЕКу», чтобы прибрать к рукам ту или иную отрасль мировой экономики. Немногим позже «Л'Экспресс» подчеркивал, что «сверх ОПЕКу» хватит 15,6 года, чтобы приобрести все акционерные общества, котированные на бирже во всем мире; 3,2 года, чтобы купить все золото центральных банков по цене 850 долларов за унцию, 10 лет, чтобы купить Елисейские Поля, и всего лишь 8 минут, чтобы купить Общество Эйфелевой башни.

Ну, это еще мало реально. Никто не пытается найти другую интерпретацию цифр, которая сумела бы показать финансовое могущество ОПЕК относительно. Так вот, 60 миллиардов долларов равнозначны 14 % национального дохода Японии, всего лишь 18 % казны многонациональных фирм, оцененной в начале 1974 года более чем в 300 миллиардов долларов, 4,3 % национального дохода Соединенных Штатов или, последний пример, около двум третям экспорта ФРГ.

Но помутнение разума наблюдается не только на Западе. Я вспоминаю одну дискуссию, состоявшуюся в 1974 году в Алжире с нефтяным министром Белайдом Абдессаламом. Безупречный продукт единственной разрешенной в стране партии, плотный мужчина, доктринер, он отстаивал полную индустриализацию своей страны, чтобы получать доходы от нефти, которые, как он мне объяснял, позволят по-иному распределить равновесие в мире. Некоторые ответственные лица в развивающихся странах начинают разрабатывать идею нового мирового экономического порядка, который, согласно Абдессаламу, заставит Запад согласиться с перемещением 25 % своего потенциального производства в страны третьего мира, чтобы избежать нового удара от нефтяного оружия. Речь идет не только о каком-то нереальном проекте, но об

уже пройденном этапе. Я спросил его, не будет ли развитие сельского хозяйства более разумным выбором, и он сухо мне ответил: «Нефть обеспечит нам ввоз всего продовольствия».

Его иранский коллега Амузгар более тонко и реалистично анализирует соотношение сил: «Все очень непрочное». О, еще как! Четырьмя годами позже, в 1978 году, изумленный мир обнаруживает, что сверхфинансы ОПЕКА растаяли, как снег на солнце, из-за инфляции, падения доллара, роста цен на промышленные товары и продукты питания, 90 % которых большинство арабских стран – членов ОПЕК ввозят из-за границы. Таким странам, как Ирак и, конечно же, Алжир, крайне не хватает средств, и, к своему великому стыду, они вынуждены делать займы по высокой цене на международных торгах. Между тем страх исчез, и развитые страны снова двинулись вперед. Они развиваются дальше, с новой верой в то, что этот рост принесет решение всех экономических и общественных проблем, и никто ни на секунду не задумывается о том, что этот рост может достичь какого-то предела или стать источником проблем.

Реванш шаха

Другой удивительный факт мог пробить брешь во всех общепринятых представлениях, но никто тогда не сделал из него сколько-нибудь разумного вывода. В 1969 году, когда баррель нефти стоил 1 доллар, мировое потребление нефти достигало 45 миллионов баррелей в день. Между 1969 и 1978 годами мировой спрос возрос с 45 до 65 миллионов баррелей в день, что составило рост на 44 % процента практически за десятилетие, хотя цена на нефть выросла в 14 раз.

Вопреки неоднократным утверждениям экспертов, рост тарифов на нефть не сдерживает ее потребления, но, возможно, по словам американского банкира Мэтью Р. Симмонса, он ведет к тому, что потребители будут, наконец, иметь более четкое представление о реальной ценности продуктов, полученных из нефти, которые они покупают. И снова факт еще замаскирован... или игнорирован.

В 1975 году шах становится ключевой фигурой в «большой нефтяной игре». Его придворные ему завидуют или запугивают, Запад перед ним угодничает, он всюду наслаждается вниманием, объектом которого он является, и своим реваншем, одержанным над судьбой. Он полагает, что покончил с прошлым, не замечая того, где именно линия его жизни связана со ставками на нефть.

Я три раза брал у него интервью. Первая встреча состоялась в 1973 году, в его дворце в Тегеране, неподалеку от города. Я познакомился с придворным этикетом, наблюдая самые раболепные знаки почтения, оказываемые человеку, отец которого, неграмотный командир отряда охраны, состоящей из казаков, в 1921 году захватил власть с благословения англичан, а пятью годами позже и трон. Отныне он был Реза-шах Пехлеви (Повелитель), Царь Царей, Тень Всемогущего, Наместник Бога на земле и Центр Вселенной, а также основатель династии Пехлеви, единственным наследником которой будет его сын Мухаммед.

Для того чтобы лучше понять психологию этого наследника, следует прочесть пронизательное суждение Рышарда Капушинского по поводу одной фотографии: «Всякий, кто взглянет в эту фотографию отца с сыном, сделанную в 1926 году, хорошо все поймет. Отцу сорок восемь лет, а сыну семь. Контраст между ними поразителен во всех отношениях: отец громадный, сильный, он стоит, держа руки на бедрах, вид у него хмурый и решительный, а рядом с ним стоит навтыжку маленький мальчик, еле достигающий ему до пояса, хрупкий, бледный, встревоженный. На нем такая же фуражка, такая же обувь, такая же форма, такой же пояс и то же количество пуговиц – четырнадцать. Отец, которому хочется, чтобы его сын – такой непохожий на него – походил бы на него во всевозможных деталях, придумал эту идентичность в одежде. Сын подчинился этому желанию и, хотя по натуре он слабый и неуверенный в себе, приложит все усилия, чтобы походить на своего деспотичного и безжалостного отца. С тех пор в мальчике будут развиваться и уживаться два естества: одно врожденное, другое привнесенное извне ради его амбиций, чтобы стать повторением своего отца. Кончится это тем, что он полностью подчинится этому своему второму естеству и годы спустя, когда он станет шахом, будет автоматически (а иногда сознательно) копировать поведение своего отца и даже ссылаться, к концу своего царствования, на его авторитет».

Когда я встретился с шахом, он приближался к концу своего царствования – чего ни один наблюдатель, даже находящийся в самой гуще иранских событий, не мог себе представить.

В 1974 году монарх был знаком с семьей американскими президентами и как тонкий стратег строил безопасность Ирана на приспособлении к Америке. После отвода британских войск из эмиратов Персидского залива в 1971 году и заключения договора о дружбе между Ираком и Советским Союзом, который предусматривал поставки Багдаду современного вооружения, Ричард Никсон и Генри Киссинджер требуют от шаха: Иран должен стать, согласно

американскому требованию, предъявленному столь гордому государю, «жандармом Персидского залива». Саудовская Аравия слишком слаба, а Ирак слишком опасен.

Во время нашей второй встречи в 1974 году шах долго рассказывает мне о докладе, который он сделал в Гудзоновском институте (центре военной разведки США, славящемся беспристрастностью своих оценок), где предусматривается, что Иран вскоре присоединится к лидирующей группе индустриальных стран и через десять лет станет пятой или шестой державой в мире. Шах выражается только на литературном французском, замолкая на секунду, когда затрудняется подобрать слово, сформулировать мысль. У него печальные глаза, иногда даже меланхолические, длинный нос, осанка нарочито прямая, будто эта выправка может придать ему величия и заставить собеседника забыть об его малом росте. Мы сидим в огромном салоне на внушительной мебели, отделанной золотом. Его сотрудники в молчании стоят поодаль в глубине комнаты.

Начиная с 1971 года он очень ловко действовал на нефтяном поле, постоянно ратуя за подъем цен, но отнюдь не портя связи со своими американскими союзниками. Он не забывает о том, что первые месторождения, которые обеспечили богатства Западу, были найдены в Персии и что англо-иранский консорциум, который их разрабатывает, покровительствует его стране. Он рассказывает мне о быстрой модернизации Ирана, будто бы ему хочется отомстить прошлому или, по крайней мере, стереть его. Я слушаю его и спрашиваю себя, является ли этот человек фантазером или мечтателем, который прежде всего обращается к самому себе. На самом деле, нефть для него – наилучший подарок. Что-то вроде волшебной палочки, которая позволит, как он верит, исполнить все его желания, подчинит им реальность и поведет его страну усиленным маршем по дороге прогресса. Он говорит мне о завершенных сельскохозяйственных реформах, о правах женщин и о 35 миллионах иранцев, которые вскоре будут жить как обеспеченные европейцы. И он не добавляет, как это делают все добрые мусульмане, «если Аллаху это будет угодно». Тот Иран, который он формирует, является современным и светским государством, которое сумеет возместить свои потери. Население Ирана в своем большинстве глубоко религиозно, почти по-средневековому. И ни один из его мусульманских вельмож не позволит шаху одновременно презреть религию и выступить против обскурантистского духовенства шиитов, самого крупного землевладельца в стране. Духовенства, воплощением которого является аятолла, живущий в изгнании, в Эн-Наджафе, священном городе шиитов в Ираке (где находится могила халифа Али), чьи пламенные проповеди возглашают гибель династии Пехлеви. Шах пожимает плечами. Кто обращает внимание на злобную брань Хомейни?

ЦРУ суется

Все в этой семье кончается изгнанием... всегда на фоне нефти. В начале Второй мировой войны его отец афиширует свою симпатию к нацистам. Для Гитлера шах очень быстро становится важной пешкой. Шах восхищается гитлеровской Германией и ненавидит Великобританию и Россию. Это оказывается весьма кстати. Гитлер мечтает наложить лапу на нефть пограничного с Ираном Азербайджана, которую контролирует Москва, чтобы снабжать свою армию, и перерезать линии снабжения Британии – ведь иранская нефть питает флот Ее Величества. Высокопоставленные немецкие военные чины появляются в шахском дворце. Но для Реза-шаха все кончается в августе 1941 года. Через два месяца после вторжения немцев в Советский Союз британские и советские войсковые части вступают в Иран, для того чтобы обеспечить охрану большого нефтеперерабатывающего завода в Абадане и линии снабжения Красной Армии, но также и для того, чтобы сместить шаха.

На трон садится его двадцатидвухлетний сын, в то время как Лондон отправляет его отца в изгнание в Южную Африку. Двенадцатью годами позже, месяц в месяц, настанет и очередь сына отправляться в изгнание. В Иране на первом плане в течение двух лет находится один человек, чей престиж среди народа все возрастает, – премьер-министр Мохаммед Моссаддык. Этот семидесятилетний старик с невозможной походкой, который часто появляется на публике в пижаме, решился на немыслимый поступок – объявить национализацию англо-иранских нефтяных промыслов. Оппозиция его политике становится все более жестокой. Он заставляет парламент проголосовать за немедленную конфискацию нефтяных промыслов, принадлежащих британскому гиганту. Он заявляет: «Наш долг в отношении нефти нам диктуют будущие поколения. Следует добывать столько нефти, сколько нам необходимо для нашего развития, а остальная нефть пусть лежит в нашей земле. Она принадлежит завтрашнему поколению».

Перед лицом подобных заявлений неловкое молчание шаха становится весьма красноречивым. 17 августа 1953 года он покидает свою страну, а там уже готовится государственный переворот, направленный на свержение Моссаддыка.

Иран находится на грани удушения, ему объявлен бойкот, ни одна страна не покупает у него нефть, к великой выгоде американских компаний, особенно «АРАМКО» («Арабиен американ ойл компании»), нефтедобыча которой за один год возрастает с 28 до 40 миллионов тонн.

Однако британские дельцы, в этом конфликте находящиеся на передовой, уважают Моссаддыка. Энтони Идеи, в то время глава британской дипломатии и будущий премьер-министр, рассказывал мне, как он любовно называл его «старина Мосси». «Мы никогда не собирались, – добавил он, – свергать его, и мы передали это дело американцам». Можно ли этому верить? В любом случае, ЦРУ засуеилось. Человека, который руководит этой операцией, зовут Кермит Рузвельт, он внук бывшего президента Теодора Рузвельта и кузен Франклина Рузвельта. У него есть власть над секретной деятельностью ЦРУ на Ближнем Востоке и в Персидском заливе. Он уже принимал участие в свержении Фарука в Египте годом раньше, в 1952 году. Возвращение шаха бесславное и кровавое. Моссаддыка заключают в тюрьму, более 5000 человек убиты или расстреляны.

Человек, который вновь возвращается в свой дворец, дискредитирован. Я полагаю, что с этого момента он становится политическим шизофреником. Все его усилия и вся его политика направлены на избавление от опеки США при сохранении с ними самых лучших отношений. Возвращение шаха на трон сопровождается новой сдачей карт на нефть. «Бритиш петролеум» и «Шелл» сохраняют свое ведущее положение и контролируют, соответственно, 40 % и 14 % иранских концессий, но при этом опираются на правительство США. «Эксон», «Сокони», «Тексако», «Галф», «Шеврон» получают по 8 %. Это новое соглашение усиливает позицию

американских акционерных обществ в Персидском заливе: отныне они обеспечивают 55 % продукции против 14 % в 1938 году.

Слушая шаха во время тех трех встреч, что я с ним имел, я заметил в его голосе и в его словах нечто похожее на желание убедить самого себя, некое тайное страдание, которое иногда прорывалось в беспокойном взгляде его глаз. Это был самодержец, возможно, даже диктатор, вероятно, плохо психологически подготовленный к этой роли.

Миллион баррелей по 1 доллару за баррель

Моя последняя встреча с ним состоялась в 1975 году, когда он проводил свой зимний отпуск в своем шале в Сен-Морице, превращенном швейцарской полицией и его собственной службой безопасности в укрепленный лагерь. Я терпеливо ожидаю около двух часов в отеле, расположенном рядом с обширной приемной, в обществе десятка людей – членов его двора и западных бизнесменов, то есть среди двух разновидностей придворных. В комнате царит полная тишина, прерываемая иногда тихими и краткими репликами. Мои встречи с несколькими государями и диктаторами навели меня на мысль о двух характерных чертах придворных: у них беспокойные глаза и они часто шушукуются.

У входа стоит охрана, и внезапное волнение возвещает о прибытии шаха. Все, кто окружает меня, подсакивают, как на пружинах, и склоняются, как автоматы, перед проходящим мимо них государем в лыжном костюме, несущим толстый анорак и черные лыжные брюки. Секунду спустя он поворачивает голову в нашу сторону и, не сказав ни единого слова, исчезает в своих апартаментах. Ожидание продолжается, и через сорок шесть минут меня вводят в его комнаты, где он встречает меня, уже одетый в пуловер с круглым воротом. Он кажется восхищенным тем вниманием, которое оказывает ему весь мир, и мне думается, что это смягчает глубокую рану, приоткрытую в признании, сделанном британскому журналисту Энтони Сэмпсону: «Мы были независимой нацией, пока Советы без предупреждения не вторглись в нашу страну⁷, в то время как – вы, британцы, заставили моего отца удалиться в изгнание. Затем до наших ушей дошел слух, что компания [«Бритиш петролеум»] нашла марионеток, людей, которые довольствовались тем, что щелкали каблуками по ее приказанию. Она предстала перед нашими глазами как некое чудовище, что-то вроде государства в иранском государстве». Я вижу сквозь окно крошечные хлопья снега, которые напоминают легкие пушинки, разметанные ветром. Секретарь шаха сидит на краю кресла, застывший и молчаливый, держа на коленях какое-то досье. Шаху нравится изъясняться по-французски, на языке, который он выучил во времена своей юности, проведенной в швейцарских колледжах в Женеве и в Цюрихе. Его суждения стали резкими, и он трактует события с презрением и высокомерием. В какой-то момент он говорит мне спокойным голосом:

– Через десять лет мы достигнем того же уровня развития, что и вы, англичане и немцы. Я говорю:

– Но, ваше величество, чтобы этого достичь, потребуется много веков. Считаете ли вы десять лет реальным сроком?

Секретарь заерзал на своем кресле, а я замечаю во взгляде шаха, услышавшего вопрос, веселые искорки, до того как он отвечает безапелляционным тоном:

– Я в этом уверен.

Затем он говорит о слепоте Запада, который должен наконец поверить в то, что царствие дешевой нефти закончилось, и добавляет:

– Не забывайте, нефть – это благородный продукт, действительно благородный.

Он повторяет эти свои последние слова, затем умолкает на несколько мгновений, будто они, эти слова, навели его на размышления.

– Зачем требовать от стран-производителей, чтобы они расточали свое добро ради поддержания вашего благосостояния? Следует подумать о наших будущих поколениях и производить не более 8 миллионов баррелей в сутки.

⁷ В 1946 г. Сталин на короткое время оккупировал север Ирана – регион, населенный азербайджанцами и богатый нефтью. Его войска ушли оттуда под совместным давлением американцев и британцев.

Сказав эту последнюю фразу, он идет по следам Моссаддыка, старого лидера националистов, а «8 миллионов баррелей в сутки» – это такая информация, которая со временем для меня становится драгоценной. Иран никогда не был в состоянии превысить ежедневное производство нефти от 4 до 6 миллионов баррелей в сутки, и сказанное увеличивает сомнения относительно истинного состояния его резервов, как я это объясню в следующей главе.

Он дал мне на интервью один час, и это время истекло. По-видимому, он думает уже о чем-то другом и проявляет легкие признаки нетерпения, постукивая пальцами правой руки по краю письменного стола. Я поднимаюсь, чтобы откланяться, и все же спрашиваю его:

– Ваше величество, как вы можете утверждать, что за десять лет вы преодолете слабоборазвитость своей страны? Секретарь внезапно съеживается, и в течение краткого момента иранский правитель, похоже, колеблется между гневом и весельем. Он вновь садится, и я тоже, между тем как он наклоняется ко мне:

– Потому, месье Лоран, что я не верю ни в существование рока, ни в процессы, которые управляют человеческими жизнями и жизнью народов и влияют на них.

Он добавляет важную фразу:

– Все может измениться, все может перевернуться.

Похоже, он впервые замечает присутствие своих сотрудников и обращает к ним несколько слов, сказанных по-ирански и более спокойным тоном.

– Я приведу вам один пример, – его суровые черты внезапно смягчаются, словно он готовится рассказать мне о какой-то шутке, и в некотором роде так оно и есть. – В марте 1969 года я отправился в Соединенные Штаты, чтобы присутствовать на торжественных похоронах президента Дуайта Эйзенхауэра. В те времена нефти было много, и она была невероятно дешевой. Она стоила 1 доллар за баррель. В Белом доме я имел долгую встречу с президентом Никсоном, рядом с которым находился госсекретарь Киссинджер⁸, и я сказал Никсону: «Господин президент, я считаю, что вы покупаете недостаточно иранской нефти, и я хочу сделать вам предложение, которое будет плодотворным для нас обоих. Я предлагаю вам 1 миллион баррелей в сутки в течение десяти лет по чрезвычайно выгодной для вас цене 1 доллар за баррель, как бы ни менялся в дальнейшем курс ее стоимости. Вы также сможете создать стратегические запасы, которые вы сможете хранить в ваших бездействующих шахтах, и это защитит вас в случае конфликта или прекращения добычи. Если вы согласны, я готов подписать такой договор немедленно». Он посмотрел на мое изумленное лицо. – Никсон дал мне понять, что ему надо подумать над этим, и я уехал в Тегеран, не получив ответа. Через неделю посол США попросил встречи со мной и передал мне послание американского президента. Это был окончательный отказ, который подкреплялся юридическим аргументом: «Правительство США не занимается покупкой нефти, за исключением той, что необходима для военных нужд». Речь шла о коммерческих соглашениях – они, стало быть, должны заключаться с частными компаниями. Я думаю, что на самом деле Киссинджер утопил мою идею, с тем чтобы впоследствии к ней вернуться. Создание, по его инициативе, в 1975 году АИЕ⁹, где промышленные страны располагают свои стратегические запасы, является продолжением моего предложения. В свете происшедших событий я поздравляю себя с тем, что не подписал подобного соглашения. Но кто мог представить себе, что через четыре года мир радикально изменится и цены на нефть взлетят вверх? Стало быть, вы сами видите, все может произойти.

⁸ Г. Киссинджер – государственный секретарь США (т. е. министр иностранных дел) в 1973–1977 гг. С 1969-го по 1975-й – советник президента США по вопросам национальной безопасности.

⁹ Международное энергетическое агентство, объединяющее двадцать шесть индустриальных стран – членов Организации по экономическому сотрудничеству и развитию (ОСДЕ).

Режим шаха стабилен

Это была наша последняя встреча, потому что Хомейни и исламская революция смели шаха, а я часто вспоминал его последние слова: «Все может произойти». Я полагаю, что люди, стоящие у власти, все слепы, потому что отказываются от мысли, что они могут лишиться своих великих замыслов, а они есть у каждого. Проще говоря, шах потерял связь с реальностью. Рост военного бюджета в Иране был головокружительным: 241 миллион долларов в 1964 году; 4 миллиарда в 1974-м; 10 миллиардов в 1977-м.

Никсон и Киссинджер решили, что следует соглашаться с шахом «во всем, что он потребует». Доклад ЦРУ, переданный в том же году президенту Картеру, «утверждает», что режим шаха стабилен и что монарх останется у власти еще более десяти лет.

В 1978 году, накануне его падения, армия шаха в два раза больше британской армии; она располагает 3000 танков, в то время как у Франции их только 1000. Грунман, создавший модель Ф-14, считающуюся лучшим самолетом-перехватчиком в мире, имеет в Иране более 1000 служащих, которые живут там вместе со своими семьями. У фирмы финансовые затруднения? Шах предлагает выкупить ее. Обольщенный, он не видит ничего, кроме своей армии, которая является плодом перекрутки Западом денег, израсходованных на покупку его нефти, и подтачивает его режим. И когда он исчезает со сцены, те же самые поставщики тут же обращаются к его бывшему сопернику Саддаму Хусейну, чтобы позволить ему приобрести, по крайней мере на бумаге, «четвертую армию в мире», по словам Дика Чейни.

Шах стал первым покупателем оружия в мире, иракский диктатор может только мечтать об одном: превзойти его. Что и было сделано. С губительным результатом, который всем известен.

2. Первое бурение в 1859 году и быстрый рост добычи нефти

Первое бурение было произведено в 1859 году «полковником» Эдвином Дрейком. Его чин столь же неправдоподобен, сколь и обстоятельства, в которых происходило это событие. Несколько инвесторов высказали убеждение, что нефть может иметь применение, что у нее есть будущее... и рынки сбыта. Они купили крохотную концессию, расположенную на месте одной фермы в Титусвилле, на севере Пенсильвании, недалеко от канадской границы. Речь идет о поселке, который вряд ли был отмечен на карте. 125 его жителей пребывали в нищете. Это был счастливый случай для Дрейка, когда он высадился на берег этой отдаленной местности. Бывший водитель локомотива, ушедший в отставку в тридцать восемь лет по причине плохого здоровья, он был нанят владельцами концессии, потому что он был единственным, кто верил в успех и жизнедеятельность проекта, но также еще и потому – малоизвестная деталь – что он учился на бурильщика... во Франции, в Пешельбронне в Эльзасе.

Почти никто не мог предвидеть, что нефть можно извлекать из земли, выкачивая ее, как это делают с водой. Дрейк был очень упрям. Он начал свои изыскания весной 1858 года, придумав буровую вышку: простое соединение из древка с буром на балансире, приводимое в действие попеременными вертикальными движениями. Он прекратил добычу зимой из-за плохой погоды, а когда вновь приступил к работе, уже в хорошую погоду, его результаты оказались бесплодными. Раздраженные потерей денег, финансисты из акционерного общества «Сенека ойл компани» послали в конце августа 1859 года ему письмо с приказом прекратить бурение. 29 августа, когда это письмо еще не успело до него дойти, фальшивый полковник стал изыскателем, увидевшим, как нефть бьет ключом из глубины двадцати метров.

Нефть дешевле воды

Акционеры «Сенека ойл компани» тут же скупают прилегающие земли, но новость об открытии распространяется, как взрывная волна, и сюда сбегаются изыскатели. Переименованный в Ойл Крик (Нефтяной Родник), район оправдывает свое новое название и являет собой неприятное зрелище – люди теснятся среди беспорядочно установленных буровых вышек, среди моря грязи, нефти и отбросов.

Первые годы добычи нефти иллюстрируют собой незыблемый закон, который будет долго доминировать в царстве нефти: ее рынок зиждется на потреблении.

В году, следующем за открытием Дрейка, цена за баррель достигает внушительной суммы в 20 долларов, но отсутствие крупных рынков сбыта вызывает быстрый обвал цен. В 1861 году баррель стоил всего лишь 10 центов, и цена продолжает падать, что делает нефть продуктом более дешевым, чем вода.

Тем не менее в то же самое время один человек двадцати шести лет, бывший счетовод, с лицом суровым и неприятным, создает свою компанию «Стандарт ойл», которая будет царить на мировом нефтяном рынке и сделает Джона Д. Рокфеллера самым богатым человеком в мире. Многочисленные нефтедобытчики и переработчики нефти вырыли себе могилу, пустившись в дикую конкуренцию, которая породила перепроизводство. Хозяин положения, Рокфеллер, радуется их разорению, заявляя: «Молодцы, ведь если бы они добыли нефти меньше, чем того хотели, они извлекли бы из нее максимальную прибыль; если же они добыли бы нефти меньше, чем требовалось другим, ни одна комбинация в мире не смогла бы поставить шах этому феномену».

Среди жертв и «Сенека ойл компани». В 1864 году компания увольняет Эдвина Дрейка, вознаградив его за все 731 долларом. Всю оставшуюся жизнь он проводит в нищете – через несколько лет умирает почти полным инвалидом. Взлет Рокфеллера и падение Дрейка иллюстрируют еще одно незыблемое правило царства нефти: за единственным исключением, то есть Пола Гетти, все, кто составит себе богатство в этой области промышленности, никогда не приблизится ни к одной нефтяной скважине, а, наоборот, продемонстрируют полную неблагодарность людям, которые на них трудятся, – добытчикам нефти, которым они обязаны своим богатством.

Мир потребляет 6 миллионов тонн

Этот случай произошел с одним богатым авантюристом, жившим в Лондоне, Уильямом Ноксом Дарси. В 1901 году он приобрел у персидского шаха концессию, которая покрывала пять шестых его владений, то есть 770 000 квадратных километров – площадь, превышающую по своим размерам Техас. Два путешествия, которые он совершил в этот регион, имели целью встречу с шахом Ирана. Фирма, которая появилась на свет в 1908 году, – «Англо-персидская нефтяная компания»¹⁰ – целиком обязана своим успехом поразительному упорству нефтесбытчика Дж. Б. Рейнольдса, которому пришлось сражаться с враждебной природой и эпидемиями, за что Нокс Дарси не выразил ему ни малейшей признательности.

Британское правительство внимательно наблюдает за успехами бурения на персидской земле. Несколько индийских полков передислоцированы в Персию, чтобы охранять нефтяные месторождения и британских сотрудников. Впервые в современной истории нефть становится тем, чем она будет теперь всегда, – стратегической ставкой в игре, приоритетом национальной безопасности, военным козырем. Первым, кто понял все три значения нефти, был Уинстон Черчилль, который в это время, в 1911 году, занимал пост первого лорда Адмиралтейства. Выступая 17 июля 1913 года в парламенте, он заявил: «Мы должны стать владельцами [«Англо-персидской нефтяной компании»] или, по крайней мере, иметь в своих руках контроль над неким объемом сырья, необходимым нашей стране». 17 июня 1914 года он представляет парламенту проект, в котором предусматривается, что правительство инвестирует 2,2 миллиона фунтов в обмен на 51 % акций компании; еще одно соглашение, условия которого оставались в тайне, оговаривает, что морское ведомство, на кораблях которого недавно уголь заменили мазутом, будет получать прибыль от снабжения нефтью в течение двадцати лет.

Будущая «Бритиш петролеум» становится соперницей «Стандарт ойл» Рокфеллера и англо-нидерландского объединения «Шелл». В 1914 году в мире потребляется всего лишь шесть миллионов тонн нефти, и все же это полезное ископаемое всегда будет объектом всех ставок в игре, в то время как уголь, который остается еще долгое время преобладающим источником энергии, не порождает ни страстей, ни жажды обладания. Кажется, будто современный мир открыл для себя вместе с нефтью некий чудесный эликсир, который исполняет все желания и утоляет любой аппетит: продукт, ничтожный по своей стоимости, который дает колоссальные прибыли и является фактором ускорения прогресса.

¹⁰ Созданная в 1909 г. «Англо-персидская нефтяная компания» в 1935 г. стала называться «Англо-иранской нефтяной компанией», а в 1954 г. – «Бритиш Петролеум».

170 километров мощных дорог

В 1900 году газеты приветствовали «храбрость» Теодора Рузвельта. Он стал первым президентом США, который водил автомобиль, но осторожность смиряла его отвагу. В течение трех лет кабриолет, запряженный лошадьми, был его средством передвижения в случае поломки или катастрофы. В начале века Америка была первым мировым производителем нефти, но она обладала всего лишь 170 километрами мощных дорог, по которым катилось 8000 автомобилей с ненадежными тормозами, что приводило к многочисленным катастрофам.

В 1908 году Генри Форд запускает в производство свою знаменитую модель «Т», «автомобиль, согласно его рекламе, цвет которого каждый сможет выбрать сам, при условии, что он будет черным». В эту эпоху требовалось не 18 операций для сборки автомобиля, а 7882. Форд в своей автобиографии уточняет, что на эти 7882 операции требуется 949 «сильных, здоровых мужчин, практически безупречных с физической точки зрения», 3338 мужчин с «просто обычной» физической силой, а почти все остальные операции можно доверить «женщинам или подросткам». Форд холодно добавляет: «Мы определили, что 670 операций могут выполнить безногие калеки, 2637 – одноногие, 2 – люди без обеих рук, 715 – однорукие и 10 – слепые». Другими словами, квалифицированная работа не требует человека полностью: достаточно какой-либо его части. Столь циничное утверждение позволяет довести специализацию до ее крайних пределов.

Нефть в исчислениях

В 1911 году автомобилей становится 619 000, в 1914-м – 2 миллиона и в 1924 году – 18 миллионов, из которых 16 – в США. Америка потребляет уже больше нефти, чем понадобится Европе в 1960-м. Зависимость по отношению к этому сырью является уже не только экономической, но и психологической. Нефть стала фактором благосостояния населения.

США – это страна, где все подсчитывается, включая и города. Там нефть находится в самом сердце исчисления. Вот пример с Лос-Анджелесом: более 10 миллионов жителей и более 80 муниципалитетов, которые полукругом тянутся вдоль берега океана в радиусе 100 километров. Размах, который, тем не менее, начинается с бесконечной малости.

В 1820 году Лос-Анджелес – это всего лишь община испанских мистиков из 40 человек. В 1872 году это маленькое местечко, грязное и сонное, где живут 5000 человек, где отсутствует порт, мало питьевой воды и которое не связано с остальной Америкой никаким видом транспорта.

Но в 1883 году объявлена рельсовая война: соперничающие между собой линии занимают на Востоке активной рекламой, чтобы привлечь пассажиров. Каждый день пять поездов высаживают своих пассажиров в Лос-Анджелесе. Они приезжают сюда, чтобы жить, обладать, добывать нефть или быть обманутыми. В 1884 году население достигает 12 000 человек; в 1886-м оно переваливает за 100 000. Ежегодные перевозки товаров возрастают со 195 тонн до 200 000 тонн. Сделки, касающиеся недвижимости, подскакивают с нуля до 8 миллионов в месяц и в 1887 году достигают 13 миллионов.

Удачная находка для молодого двадцатисемилетнего человека, ловкого и расчетливого, который вложил около 3000 долларов на два года в торговлю апельсинами для мексиканских рабочих, живущих дальше на севере. Гарри Чендлер и его семья, владельцы крупной ежедневной газеты «Лос-Анджелес тайме», приобретут в Южной Калифорнии такую власть и такое влияние, которые превзойдут все ожидания. Как говорил журналист и историк Дэвид Хальберштам, «ни одна семья не царилла ни в одном районе страны так, как эта».

Чендлер не содействует развитию Южной Калифорнии – он ее изобретает, и он ее воплощает. Центром его империи является собственность. Земля покупается по цене пустыни и продается по цене оазиса. Поскольку в Лос-Анджелесе есть вода, Чендлер собирается ею завладеть. В начале XX века он приводит из долины Оуэне, за 350 километров, воду, превращая выжженный край в райское местечко. Он решает, что город будет развиваться в горизонтальном направлении, потому что это выгодно для торговли недвижимостью. В течение 20-х годов мечта среднего американца о собственном маленьком домике становится в Калифорнии реальностью: 250 тысяч новых строительных участков были разграничены и проданы частным владельцам.

Чендлер запрещает введение общественного транспорта: он верит в будущее автомобиля и имеет свой интерес в продаже шин, автомобилей... и бензина, так же как и в строительстве больших дорог. Он способствует росту новых кварталов, среди них Голливуда, потому что он ускоряет развитие кинематографии.

Нефть, дешевая и изобильная, становится движущей силой изумительного подъема производства и источником энергии для общества потребления, начинающего заявлять о себе. Это подъем, который ни одно правительство не хотело бы подвергать опасностям войны, которая разразится в 1914 году.

«Как нам собираются платить?»

Вооруженный конфликт немедленно выдвигает на передний план стратегические запасы нефти. Нефть становится не только условием, но и залогом победы: Вильгельм II желает конкурировать с Великобританией в области энергетики и обеспечить Германии доступ к нефтяным месторождениям в Месопотамии¹¹. Он начинает строительство железной дороги, которая должна соединить Берлин с Басрой, проходя через Константинополь и Багдад, и будет конкурировать с железной дорогой Индии. Проект будет финансировать «Дойче банк».

Эта война, которая унесет более 13 миллионов человек, также, по словам Жана-Мари Шевалье, показывает, что «нефть становится главным источником военной мощи вместе с перевозками людей и боевой техники, первых танков и первых военных самолетов».

«Как нам собираются платить?» – спрашивает 6 сентября 1914 года один шофер, когда он узнает о приказе реквизировать парижские такси для быстрой переброски на фронт тысяч людей, которые должны пойти в контрнаступление.

«По счетчику», – отвечает ему офицер, ответственный за реквизицию.

Такси Марны дают возможность остановить наступление немцев, но снабжение союзников зависит от единственной страны – Соединенных Штатов. В 1914 году Америка производит 266 миллионов баррелей нефти, что составляет 65 % мирового производства. В 1917 году, в разгар войны, ежегодное производство достигает 335 миллионов баррелей, то есть 67 % общемирового производства.

Большевистская революция перекрывает доступы к русским нефтяным месторождениям, сосредоточенным в районе Баку. Вашингтон снабжает Европу при помощи танкеров, большое количество этих танкеров топят немецкие подводные лодки во время их походов через Атлантический океан. Во время этой войны политики открывают для себя одно важное обстоятельство, мысль о котором будет преследовать их преемников: необходимо любой ценой гарантировать безопасность нефтеснабжения, для того чтобы обеспечить функционирование военной машины.

Обеспокоенный Жорж Клемансо 15 декабря 1917 года посылает президенту Вильсону умоляющую телеграмму, в которой говорится: «Полное отсутствие бензина внезапно парализует нашу армию и принудит нас к миру, неприемлемому для союзников. Если союзники не хотят проиграть войну, необходимо, чтобы сражающаяся Франция в момент самого сильного удара немцев обладала бензином, столь же необходимым, как и кровь, в будущих битвах». Год спустя во время переговоров о прекращении огня Клемансо вернется к этой метафоре: «Отныне для наций и отдельных людей капля нефти стоит капли крови». Но эта кровь имеет исключительный источник – Америку, которая поставляет союзникам 80 % мирового потребления нефти, в то время как Средний Восток – и в особенности Иран, место, охраняемое британцами, – обеспечивает всего лишь 5 % поставок.

Еще более удивительно, что четверть всей нефти, потребленной союзниками в течение всей войны, была поставлена одной-единственной компанией – «Стандарт ойл оф НьюДжерси» (будущая компания «Эксон»), принадлежащей Джону Д. Рокфеллеру.

¹¹ Нынешний Ирак.

«Нужна агрессивная внешняя политика»

Этот человек нажил свое огромное состояние на очистке и транспортировке нефти, предоставляя бесчисленным мелким предпринимателям рисковать на ее добыче. Его империя, созданная в 1860 году, будет безраздельно царить пятьдесят один год, до тех пор, пока по решению, принятому в 1911 году Верховным судом Соединенных Штатов, она не будет разделена на тридцать три акционерные компании, «юридически» независимые, по причине того, что она препятствует конкуренции и пользуется незаконными методами для устранения конкурентов.

Перед лицом этого решения «Стандарт ойл» в конце июля 1911 года решает разделиться на семь независимых акционерных обществ, что на самом деле оказывается чистой фикцией. «Стандарт ойл оф Нью-Джерси», самая важная из этих АО, остается под прямым контролем Рокфеллера. «Стандарт ойл оф Нью-Йорк» превращается в «Мобил», «Стандарт ойл оф Калифорния» – в «Шеврон», «Стандарт ойл оф Индиана» – в «Амоко» и т. п.

Теоретически они являются фирмами-конкурентами, но они не стремятся к взаимоуничтожению – остаются связанными и повязанными между собой соглашениями о производстве и очистке нефти. Их управления тайно сговариваются друг с другом, чтобы установить самые высокие цены и избежать коммерческой войны, которая привела бы к перепроизводству и падению курса цен.

Антитрастовые меры, введенные в 1911 году, существенно извращенные, приводят к новой монополистической ситуации. Американское правительство тем более склонно заниматься делами компании Рокфеллера, что интересы их сходятся на одной территории, к тому же фирма слишком пренебрегла «горной рентой», которая проистекает из открытия важного месторождения, цена продукции которого оказывается ниже рыночной.

Другое дело «Шелл», крупный конкурент Рокфеллера, который с 1920 года обладает филиалами в США, Мексике, Венесуэле, Тринидаде, Индонезии, на Цейлоне, в Румынии, в Египте, Малайзии, Таиланде, на севере и юге Китая, на Филиппинах и в Бирме. «Шелл» также приобрел концессии в Центральной Америке и выкупил со скидкой акции Ротшильда на нефть, производимую в Баку, в Азербайджане.

Согласно утверждению могущественного банкира Эдварда Маккея, «все известные нефтяные месторождения, возможные и вероятные, за пределами США либо являются собственностью Британии, либо финансируются капиталами Британии... Мир, – заключает он, – забаррикадирован от атаки интересов США».

«Стандарт ойл оф Нью-Джерси» понимает, что политика изоляционизма и пацифизма, которую проводит президент Вильсон, угрожает его будущему, и президент компании А.К. Бедфорд заявляет: «Нам нужна агрессивная внешняя политика». Эти слова, которые приобретут странную актуальность восемь десятилетий спустя, в связи с политикой, проводимой в Ираке администрацией Буша. Эта агрессивность отражает глубокую озабоченность: начиная с 1920-х годов, когда один из десяти американцев имеет автомобиль, а другие копят деньги, чтобы его купить, и в то время, как в 1929 году 78 % автомобилей в мире принадлежат США, страну преследует кошмар возможной нехватки нефти. Как раз в 1929 году руководитель геологических изысканий США высказывает мнение, что положение с нефтью в стране «может в лучшем случае рассматриваться как шаткое». Начиная с этого времени на американской земле разрабатывается самое большое количество нефтяных месторождений.

Государственный департамент США¹² становится самым рьяным сторонником интересов американских нефтяных компаний, расположенных за рубежом, и первым театром действий будет... Ирак.

¹² Эквивалент Министерства иностранных дел.

Окончание Первой мировой войны предоставляет грандиозную возможность для передачи карт. До войны один консорциум «Туркиш петролеум компани», у которого нет ничего турецкого, кроме названия, владел иракскими месторождениями. Он объединял «Англо-персидскую компанию» – на уровне 50 %, «Ройал дач шелл» – на уровне 25 % и «Дойче банк», 25 % процентов которого подверглись секвестру с первых дней войны. Турция, союзница Германии, в 1918 году лишается членства, и германская часть, составляющая 25 %, передается «Компани франсез де петроль» («Тоталь») в обмен на иные формы возмещения военных убытков и на разрешение французов установить английские трубопроводы в своих подмандатных территориях Сирии и Ливана.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.